

М. А. Поляковская

О ПАМФЛЕТЕ НИКОЛАЯ КАВАСИЛЫ

Эпоха Палеологов оставила большое количество памятников публицистической литературы. Здесь многочисленные *Lógoi* и *Díalogoi*, и мемуары острополемического звучания, и письма.

Среди византийских публицистов середины XIV в. следует назвать известного мистика Николая Кавасилу¹. Правда, в литературном наследии этого автора преобладают чисто теологические темы². Однако представляют немалый интерес те произведения Николая Кавасилы, которые затрагивают отдельные стороны общественной жизни Византии его времени. Весьма публицистично звучит изданное И. Шевченко и интересно прокомментированное им «Слово против архонтов» Кавасилы, направленное в защиту церковного имущества³. Отдельные моменты жизни византийского общества нашли отражение в его эпистолярном наследии, по пути изучения которого сделаны первые шаги⁴. Следует упомянуть и горячее «Слово против ростовщиков», ждущее еще своего исследователя⁵. К этому «Слову» примыкает и неопубликованный трактат Кавасилы «О ростовщичестве», описанный Р. Гийаном⁶.

Некоторые мотивы больших дискуссий, захвативших византийское общество в середине XIV в., нашли отражение в одном из наиболее острых публицистических произведений Николая Кавасилы — его памфлете «Слово нелепостей Григоры» (*Katà tòn toú Gregorâ leremáton lógos*)⁷.

Памфлет как один из жанров публицистики⁸ является очень интересным и своеобразным историческим источником. Сатира, находящая выражение в язвительности, сарказме, составляет основную особенность памфлетного произведения. Памфлет имеет целью высмеять и предать позору определенное лицо или общественную группировку, партию. Стилю памфлета присущи экспрессия, патетика. Памфлетное произведение всегда несет на себе печать тенденциозности. Ирония памфлетиста обычно перерастает в гиперболу.

В силу отмеченных особенностей памфлетного стиля этот жанр публицистики представляет особый интерес для исследователей, ибо такого рода произведения дают возможность не столько разобраться в предмете полемики, сколько почувствовать колорит эпохи, ее страсти, волнения, отношения современников, психологию и настроения самого

памфлетиста и объекта его бичующей иронии. Кроме того, изучение памфлета дает материал для характеристики литературного стиля его автора.

Памфлет Николая Кавасилы не представляет собой исключительное явление в византийской литературе XIV в. — он не одинок. Можно вспомнить и знаменитый памфлет Никифора Григоры «Флорентиец», или о Мудрости», и ряд памфлетов, направленных против Григоры⁹.

Памфлет как наиболее острая форма публицистического произведения появляется обычно во времена особого напряжения в общественной жизни. Названный памфлет Николая Кавасилы был тесно связан с идеологической и политической борьбой в империи в середине XIV в. Темой его является защита вождя исихазма Григория Паламы от одного из наиболее страстных его противников, известного историка Никифора Григоры. Какие же события предшествовали появлению памфлета?

Империя палеологовского времени представляла собой экономически слабую страну, в которой постоянная борьба за власть, междоусобицы сопровождались спорами в области идеологии. В 40—50-х гг. XIV в. вопросы о божественной сущности, о сотворенности или о несотворенности божественной энергии стали предметом самого широкого обсуждения¹⁰. «... у нас... с божественными предметами обращаются без всякого благоговения и, кто бы ни захотел богословствовать, всякому это доступно, и всяк сам посвящает себя в богословы», — с печалью и осуждением писал Никифор Григора¹¹. Исихастские споры настолько тесно переплетались с борьбой политических группировок за власть в стране, что признание или отрицание исихазма было не только теолого-философским, но и политическим кредо всякого, кто имел отношение к общественной борьбе своего времени¹².

В зависимости от поворотов политической борьбы менялся и курс центрального правительства в отношении исихазма. На соборе 1345 г. учение Григория Паламы было подвергнуто осуждению за проповедь многобожия, выражавшегося якобы в признании бога и несотворенной, безначальной энергии. Осуждение Паламы было вынесено при активной поддержке правительства Анны Савойской. Однако после прихода к власти Ионна Кантакузина, сторонника паламитов, учение Паламы было признано каноническим (собор 1351 г.)¹³. Иоанну Кантакузину, выразителю центробежных тенденций знати, было наруку мистическое учение, призывавшее к отрешенной религиозно-созерцательной жизни. Союз мистицизма и политической оппозиции в условиях крайней слабости страны, а также реальной угрозы турецкого вторжения был очень опасен для будущего Византии¹⁴. Когда Григора узнал, что определения собора 1351 г. были внесены Иоанном Кантакузиным в алтарь и возложены на престол, он счел это свидетельством грядущего падения Византии¹⁵. Против исихазма выступили прогрессивно мыслящие люди своего времени — Никифор Григора, Григорий Акиндин, братья Кидонисы, Димитрий и Прохор.

Борьба достигла, по выражению Ионна Кантакузина, «крайнего накала страстей»¹⁶. Никифор Григора, несмотря на предание его имени

анафеме, выступил против определений собора 1351 г. в защиту веры. Иоанн Кантакузин с возмущением писал: «Григора же, не стерпев это вынесенное против него решение, выступает против определения (и исходит) не из божественного писания, не из учения божественных отцов и богословов, но изрыгает кощунственные речи из нутра своего»¹⁷.

Григора, заточенный в монастырь Хора, несмотря на строжайший запрет общения с внешним миром, продолжает выступать против мистики Григория Паламы¹⁸. Надежды Никифора Григоры на очищение православной веры от паламизма оживились в связи с переходом власти в ноябре 1354 г. к Иоанну V Палеологу¹⁹. Наиболее активный покровитель Григория Паламы Иоанн Кантакузин, отрекшись от престола, ушел в монастырь. Казалось, что Иоанн Палеолог действительно выступит против паламизма. Но император не проявил решительности, находясь под влиянием своей супруги Елены, дочери Кантакузина. Он лишь освободил Никифора Григору, приблизил его ко двору, разрешил проведение диспута по вопросам веры, сам занимая нейтральную позицию. На диспуте 1355 г. выступили Никифор Григора и Григорий Палама²⁰.

Памфлет мистика²¹ Николая Кавасилы явился реакцией на выступление Никифора Григоры в этом диспуте.

«Слово против нелепостей Григоры» Николая Кавасилы не привлекло значительного внимания исследователей. Пожалуй, наибольшее количество сведений о памфлете мы находим у Р. Гийана, автора эссе о жизни и творчестве Никифора Григоры²². Французский исследователь, обращаясь к истории изучения памфлета, отмечает, что ранее — в связи с путаницей в рукописях — рассматриваемое произведение ошибочно приписывалось дяде Николая, Нилу Кавасилу²³. Р. Гийан упоминает памфлет неоднократно, анализируя вопросы формирования интеллекта Никифора Григоры, его философские взгляды²⁴. Исследователь находит рассматриваемый опус Кавасилы довольно остроумным, но построенным на преувеличениях²⁵. Вполне естественно, что памфлет интересует Р. Гийана только в аспекте творчества и деятельности Григоры.

С. Салавиль в исследовании о теологическом учении Николая Кавасилы справедливо замечает, что памфлет носит политический характер и не касается вопросов доктрины²⁶. Замечания Л. Брейе о памфлете Кавасилы в силу общего характера его работы «Византийская цивилизация» повторяют в самом кратком виде названную работу Р. Гийана²⁷.

Издатель текста памфлета А. Гарсиа, продолжая мысль С. Салавиля, подчеркивает, что памфлет имеет чисто документальный интерес и не вносит новых элементов в исихастские споры²⁸. Свое предисловие к тексту²⁹ А. Гарсиа посвящает краткому изложению истории теологических споров середины XIV в.

Немецкий исследователь Г. Г. Бек отметил в докладе на XII Международном конгрессе византистов, цель автора памфлета — защитить от нападок Никифора Григоры скорее своего дядю известного паламита Нила Кавасилу, чем сам паламизм³⁰. Вызывает возражение замечание Г.-Г. Бека о том, что Николай Кавасила даже не воспринимает серьезно Никифора Григору⁴¹. Огромный полемический накал произведения свидетельствует об обратном.

Мирра Лот-Бородин, известная как специалист по вопросам православной церкви, отмечает, что сочинение Николая Кавасилы, направленное против Григоры, свидетельствует о полном согласии автора с доктриной Паламы и о его личной преданности главе исихастской школы³². Однако французская исследовательница не обращается к тексту памфлета — оценка его высказана вскользь, в подстрочном замечании. Очень краткое, поверхностное изложение вопросов доктрины в памфлете Кавасилы (см. ниже) делает неправомерной подобную оценку его в работе М. Лот-Бородин.

В целом следует отметить, что сведения о памфлете Николая Кавасилы в исторических исследованиях носят характер самых общих оценок. Произведение не являлось предметом специального изучения.

Анализ рассматриваемого произведения Николая Кавасилы свидетельствует о том, что ему в полной мере присущи все черты, характеризующие такой жанр публицистической литературы, как памфлет.

Поскольку задачей памфлета является стремление его автора предать позору и осмеянию вполне конкретное лицо, образ Никифора Григоры постоянно находится в центре внимания памфлетиста. Николай Кавасила представляет Григору читателям как вполне определенную индивидуальность. Бичуя его, Кавасила изображает историка в общественной жизни, дает некоторые детали его быта, индивидуальных особенностей. Однако подобная конкретизация не мешает, а скорее способствует перерастанию индивидуального образа в типический³³.

Прежде всего Кавасила проводит мысль о том, что Никифор Григора является более ритором, чем теологом и, следовательно, он не имел права вступать в теологические споры³⁴. Постоянно подчеркивается Кавасилой и нескромность Григоры как ученого³⁵. Памфлетист говорит, что Григора «побуждает фессалоникийцев к гимнам ему самому» (*Thessalonikéas enágei pròs toùs hýmnois toùs heautû*)³⁶. Николай Кавасила высмеивает кажущуюся ему показной любовь Григоры к занятиям математикой, физикой и астрономией, а также стремление Никифора окружить себя учениками и превратить свой дом в школу науки. Кавасила язвительно подчеркивает, что Григора «показывает мудрость», наполнил дом шарами и всякими книгами, и чертежами³⁷.

Николай Кавасила предает осмеянию и «платонизм» Никифора Григоры. Он считал его имитатором Платона (*mimesámenos Plátona*), считающим себя вправе называть свое сочинение по-платоновски — «Диалоги» и без запинки говорить слова, часто встречающиеся в трудах Платона: «ô hetaîre», «mála mólis», «ouch hépe», «ô hetaîre»³⁸.

Автор памфлета с издевкой отмечает, что Григора выдает за великую ученость свою манеру цитировать без разбора, вперемежку Гомера, Аристофана, Эзопа.³⁹ Язвительно замечает Николай Кавасила, что Григора, этот великий ученый, желая казаться неким прорицателем (*chresmológos tis*), придает своих речам характер пророчеств и подкрепляет их халдейскими заклинаниями⁴⁰.

Не преминул Николай Кавасила сказать несколько язвительных слов и по поводу известных головных болей Григоры, тех самых болей,

из-за которых якобы он не смог присутствовать на соборе 1341 г., где впервые широко обсуждался вопрос об исихазме. Как известно, император Андроник III в своей речи на этом соборе высказал сочувствие Григору, а также сожаление по поводу его отсутствия. Сам Григор писал в своей «Истории»: «Обыкновенная моя головная боль страшно мучила меня, так что я никак не мог присутствовать на Соборе»⁴¹. Николай Кавасила находит, что многие нелепости были высказаны Григором вследствие мучивших его головных болей⁴².

Гневные слова критики бросает в адрес Никифора Григоры автор памфлета по поводу его метода ведения дискуссии по вопросам теологии. Здесь Кавасила от насмешливых и язвительных слов переходит к резким обвинениям. Он прямо заявляет, что Григора говорит вздор (*paraletê*)⁴³, речи его наполнены бранью (*loidoríá*)⁴⁴. Негодование памфлетиста вызывает стремление Никифора Григоры поучать Паламу и обвинять этого великого теолога в невежественности (*tês amathías tou Palamá*)⁴⁵. Кавасила возмущенно заявляет, что Никифор Григора не беседует, а поносит Паламу бранью, поучает (*dialégetai dè oudamôs, tà pleísta mèn gár loïdoretai kai didáskei*)⁴⁶. По мнению Николая Кавасилы, Никифор Григора проявляет в дискуссии невыдержанность, неуместное многословие. В ответ на замечания Григория Паламы он отвечал сразу двумя, тремя, пятью и более логическими посылками⁴⁷. По мнению памфлетиста настоящий философ никогда не уйдет от обсуждаемой темы и будет отвечать утверждением или отрицанием (*katáfasin kai arófasin*)⁴⁸.

Следует отметить, что негативные эмоции памфлетиста направлены в основном против личности его противника, его метода ведения спора. Предмет спора почти не нашел отражения в этом произведении Николая Кавасилы. Автор лишь мимоходом упоминает об единой несотворенной сущности божьей (*ten thelan mónen ousían áktiston*)⁴⁹. Николай Кавасила бросает упрек Никифору Григору за его стремление свести теологические споры к рассуждениям по поводу «*ónota*» и «*gema*»⁵⁰. По словам памфлетиста, Григора противопоставляет «невежеству» Григория Паламы учение о различии понятий и названий⁵¹. Это учение действительно давно волновало Никифора Григору. Еще в десятой книге своей «Истории», охватывающей начало 30-х годов XIV в., историк, отрицая возможность рассуждений о божественных тайнах, говорит о несоответствии понятий и названий⁵². Обращался к этой теме Григор и позднее⁵³.

Памфлетист подвергает критике Григору за выдвигаемую им теорию познания, явно несущую на себе печать платонизма. Как и Платон, Никифор Григора считает, что чувства не могут быть источником истинного знания⁵⁴. Главное в процессе познания по Григору это ум (*ho nous*). Кавасила же исходит из гносеологического учения вождя исихазма Григория Паламы, считавшего, что познание истины не может быть результатом научного мышления: познание божественной субстанции происходит через восприятие энергии посредством чувств⁵⁵. Николай Кавасила, критикуя Григору за его гносеологические воззрения, прибегает к явно

сатирическим приемам. Шаржируя мысль Григоры, он находит нелепым, что люди, имеющие ум, чтобы понять Григору, должны слышать его голос, то есть использовать чувства.

В целом Николай Кавасила, не раскрывая сущности исихастского спора, прямо обвиняет Никифора Григору в богохульстве.⁵⁶ Он неоднократно бросает противнику упреки по поводу его кощунства, с возмущением говоря, что тот поносит хулу на Бога (*eis Theòn blasfemeî, eis Theòn... esýlese blasfēmían*)⁵⁷.

Ирония и сарказм автора памфлета передаются очень выразительными языковыми средствами. В «Слове» Кавасилы неоднократно встречаются эпитеты, которые вопреки основному смысловому значению слова придают негативный оттенок качества характеризуемого лица благодаря использованию превосходной степени прилагательного. Никифор Григора называется в памфлете наимудрейшим, наилучшим, наизнатнейшим⁵⁸. Подобные эпитеты придают языку Николая Кавасилы гораздо большую остроту и язвительность, чем прямые обвинения в адрес Григоры. Авторский сарказм особенно выразительно звучит, когда эпитеты составляют диссонанс с текстом фразы. Памфлетист, говоря, что наиславнейший Григора, словно Ксеркс, нагло обращающийся в письмах,⁵⁹ контрастом слов «наиславнейший» и «нагло» придает фразе явно насмешливое звучание. Примерно также воспринимается читателем «Слова» сочетание определения «наимудрейший» с прямыми свидетельствами нескромности Никифора Григоры⁶⁰. Интересно заметить, что языковые средства памфлета в полной мере соответствуют трансформации настроений автора, когда он постепенно от сомнительных похвал в честь Никифора Григоры переходит к прямым обвинениям в его адрес⁶¹.

Для выражения своего резко отрицательного отношения к Григоре Николай Кавасила широко использует сравнения. Словесная формула, начинающаяся со слов «подобно», «словно», «также как», часто встречается в памфлете. Посылающего фессалоникийцам грамоты Григору автор сравнивает с персидским царем Ксерксом⁶². По всей вероятности, имеются в виду упоминаемые Фукидидом письма Ксеркса к спартанцу Павсанию, имевшие целью склонить последнего к предательству⁶³.

Прорицания Никифора Григоры в отношении Фессалоники⁶⁴ Кавасила сравнивает с речами коня, предсказывавшего Ахиллу смерть⁶⁵. Предавая осмеянию характерную для Григоры эмоциональную манеру ведения спора, Кавасила отмечает, что «наилучший разыгрывает самого себя словно на сцене» (*eiságei gàr heautòn ho bél̄tistos, òsper ek... skenê*)⁶⁶. Заканчивая памфлет, Николай Кавасила с нескрываемым возмущением сравнивает метод ведения спора, используемый Григорой, с поведением фокусников (*toùs thaumatopoiòus*), которые легко проходят через огонь, воду и мечи⁶⁷.

Для языка памфлета Николая Кавасилы характерно стилистическое подражание языку Платона, Аристотеля, а также греческих драматургов и историков — Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Плутарха и др.⁶⁸. Эта подражательность харак-

теризует отнюдь не стилистику произведения самого Кавасилы, а несет определенную смысловую нагрузку. Она представляет собой особый сатирический прием, помогающий осмеять присущие для языка Никифора Григоры архаистические тенденции, стремление к подражанию языку античных авторов. Излишняя насыщенность подражаниями придает сатире Кавасилы явно гротескный характер⁶⁹.

Отмечая остроту и выразительность языковых приемов, используемых памфлетистом, следует обратить внимание и на содержащиеся в «Слове» некоторые стилистические элементы, внешне напоминающие риторичность. Кавасила, стремясь осмеять тот метод ведения спора, к которому часто прибегал Никифор Григора, использует образ корабля⁷⁰. Поскольку сам Григора сравнивал свою душу с кораблем, Кавасила насмешливо замечает, что Григора всякий раз, когда не может ответить на вопрос, бежит на корабль и начинает говорить о трудностях. Таким образом, корабль отдаляет многие вопросы и помогает добиться похвалы слушателей. Когда же Григора не отвечает на вопросы юношей, корабль превращается в якорь⁷¹. Думается, что использование образа корабля не является пустым риторическим приемом, употребленным только ради того, чтобы одеть произведение в красивые одежды. Яркость метафоры помогает автору острее высмеять своего противника.

Рассматриваемому произведению Николая Кавасилы присущи также такие черты, обычно характеризующие памфлетный жанр литературы, как лаконичность формы и субъективность авторских оценок. «Слово против нелепостей Григоры» невелико по объему — оно составляет всего 208 строк печатного текста. Отношение автора к поднимаемому вопросу проявляется не только в иронии и сарказме, находящихся выражение в контрастности эпитетов, метафоричности и гиперболизации, но и в приемах изложения материала от первого лица. Форма «я думаю», «я удивляюсь», «я считаю», «я говорю истину», иногда сменяемая на «мы удивляемся», является очень характерным для «Слова» стилистическим приемом⁷².

Несмотря на кажущуюся субъективность подачи материала, «Слово» выражает позиции не только самого Николая Кавасилы, но и широкой общественной группы, близкой по своим устремлениям к политическим идеалам Иоанна Кантакузина и к мистике Григория Паламы. В условиях обострившейся борьбы крупных феодалов за власть в стране, в условиях усиления угрозы турецкого вторжения на территорию Византийской империи защита паламизма, проповедовавшего самосозерцание и уход от активной жизни, означала предательство истинных интересов своей страны и, следовательно, выражала весьма реакционную позицию автора памфлета. Николай Кавасила, стремясь предать осмеянию и позору своего идейного врага Никифора Григору, *de facto* обращает «Слово» против тех кругов византийской интеллигенции, которые видели в успехах сторонников исихазма и их идейного вождя Григория Паламы свидетельство грядущего трагического исхода общественной борьбы своего времени.

Публикацией «Слова против нелепостей Григоры» Николая Кавасилы введен в научный оборот очень интересный памятник поздневи-

зантийской литературы. Его анализ не только дает основу для характеристики памфлета — одного из жанров публицистики XIV в. Рассматриваемое «Слово» в гораздо большей степени, чем, например, «Семь слов о жизни во Христе», позволяет представить индивидуальность как стилистики, так и характера Николая Кавасилы. Кроме того, памфлет в силу специфических особенностей этого жанра литературы наиболее ярко свидетельствует о высоком накале идейной борьбы в византийском обществе середины XIV в. Присутствие в памфлете сугубо субъективных оценок, а также стремление автора индивидуализировать образ своего противника дает представление о взаимоотношении двух современников, видных представителей интеллигенции поздневизантийской эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. о Николае Кавасиле справочную литературу: Real-Encyklopädie für protestantische Theologie und Kirche, Bd. 7, Stuttgart und Hamburg, 1857, S. 190—193; K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur, München, 1897, S. 158—159, 204; Dictionnaire de théologie catholique, 1923, t. 2, p. 2, col. 1292—1295; H.-G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich, München, 1959, S. 367, 780—782.

² Основные произведения Николая Кавасилы — «Семь слов о жизни во Христе» и «Объяснение божественной литургии» — помещены у Миня: PG, t. 150, t. 190, col. 368—492; 493—725. Имеются переводы этих произведений Николая Кавасилы (М., 1874; Амау. 1932; Paris-Lyon, 1943; München, 1958 и др.). См. также: W. Gass. Die Mystik des Nikolaos Cabasilas vom Leben in Christo. Greifswald, 1899; еп. Алексий. Византийские церковные мистики XIV в. (препод. Григорий Палама, Николай Кавасила, препод. Григорий Синаит), Казань, 1906; S. Salaville. Le christocentrisme de Nicolas Cabasilas.— EO, 35, 1935; G. Wunderle. Die Nachfolge Christi als mystische Tatsache und als ethische Aufgabe in des Nikolaos Kabasilas Leben in Christo.— Philos. Jahrbuch 53, 1940; S. Salaville. Vues sotériologiques sur Nicolas Cabasilas.— Études byzantines, I, Bucarest, 1943; G. Wunderle. Vom Wesen des Christseins. Gedanken zum Werke des Nicolaos Kabasilas "Über das Leben in Christus"— Geist und Leben, 21, 1948; M. Lot—Borodine. Un maître de la spiritualité byzantine au XIVe siècle: Nicolas Cabasilas. Paris, 1958.

³ I. Sevcenko. Nicolas Cabasilas' "Anti-Zealot" Discourse. A reinterpretation.— DOP, vol. 11, 1957, p. 81—171; idem. The Author's Draft of Nicolas Cabasilas' "Anti-Zealot" Discourse in Parisianus Craecus' 1276.— DOP, vol. 14, 1960, p. 179—201; idem. A. Postscript on Nicolas Cabasilas' "Anti-Zealot" Discourse.— DOP, vol. 16, 1962, p. 403—408.

⁴ O. Tafrali. Thessalonique au XIVe siècle. Paris, 1912, p. 131, 150, 153; R. Guiland. La correspondance inédite de Nicolas Cabasilas.— BZ, Bd. 30, 1929/30, S. 97—102; R.-J. Loenertz. Les recueils de lettres de Démétrius Cydonès. Citta del Vaticano, 1947;

I. Sevcenko. Nicolaus Cabasilas' Correspondence and the treatment of late byzantine literary texts.— BZ, Bd. 47, H. 1, 1954; P. Enepekides. Der Briefwechsel des Mystikers Nicolaos Kabasilas.— BZ, Bd. 46, H. 1, 1953; R.-J. Loenertz. Chronologie de Nicolas Cabasilas 1345—1354.— Orientalia Christiana periodica. Miscellanea Georg. Hofmann S. J., vol. XXI, I, Roma, 1955, p. 205—231.

⁵ PG, t. 150, col. 727—750.

⁶ R. Guiland. Le traité inédit "Sur l'usure" de Nicolas Cabasilas.— Études byzantines, Paris, 1959, p. 81—87.

⁷ Фрагменты памфлета были опубликованы Минем — P. G., t. 150, col. 61—62. См. также Nicephori Gregorae Byzantina historia, v. I. Bonnae, 1829, LXI—LXIII. Полностью этот труд Николая Кавасилы опубликован в 1956 г.: A. Garzya. Un opuscolo inédit de Nicolas Cabasilas.— Byzantion, v. 24, 1954 (1956), p. 521—532.

⁸ M. Davies. Icon libellorum or a critical History of Pamphlets. London, 1715; W. Oldys. History of the Origin of Pamphlets.— J. Morgan. Phoenix Britannicus. London, 1732; R. Blakey. History of political Literature from the earliest Times. 2vv. London, 1855;

См. также И. Эвентов. Пути памфлета. — «Звезда», 1938, № 9. К. Г. Бойко. Памфлет как жанр в творчестве А. М. Горького. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1955; Е. В. Прохоров. Публицистика и ее функции (к изучению марксистско-ленинской теории публицистики). — Вестник Московского университета, серия VI. Филология, журналистика, 1963, № 5, стр. 3—18; Он же. Публицистика и общество. Публицистика как тип творчества в связи с особенностями ее функций и предмета. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1969.

⁹ Archiv für Philologie und Paedagogik, Bd. 10, H. 1, Leipzig, 1844, S. 485—563; Bd. 11, 1845, S. 387—392. Фрагменты «Диалога» — PG, t. 149, col. 643—648; Niceph. Greg., XXIII, XXXVIII—XXXIX; Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891, стр. 250—258; R. Guillard. Essai sur Nicéphore Grégoire. L'homme et l'oeuvre. Paris, 1926, p. 49, 168—170. К острому оружию памфлета часто прибегали представители различных политических группировок византийского общества в самые различные эпохи. См., например, памфлет Арефы против Хирсфакта (X в.) — М. А. Шангин. Византийские политические деятели первой половины X в. Византийский сборник. М.—Л., 1945, стр. 236—248; памфлет Офрида против Ксифилина (начало XI в.) и памфлетного характера письмо Михаила Пселла патриарху Михаилу Кируларию (середина XI в.) — П. В. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890, стр. 42—43, 85—87.

¹⁰ M. Jugie. La controverse palamite (1341—1368). Les faits et les documents conciliaires. — EO, XXX, 1931. Библиографию по вопросу об исихастских спорах см. Н.-Г. Beck. Kirche und theologische Literatur, S. 322—332; idem. Humanismus und Palamismus. Actes du XIIe Congrès international d'Études byzantines, t. I, Beograd, 1963, S. 63—70.

¹¹ Niceph. Greg., X, 8. Перевод дается по русскому изданию — Никифор Григора. Римская история. СПб., 1862.

¹² Ср. Н.-Г. Beck. Humanismus und Palamismus, S. 70.

¹³ J. Meyendorff. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959, p. 141—151. Д. Тащовски. Акиндин во борба против мистицизмот. Скопје, 1956, стр. 66.

¹⁴ М. Я. Сюзюмов. Реч. на: J. Meyendorff. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959. — ВВ, XXIII, 1963, стр. 265—268.

¹⁵ Niceph. Greg., XXV, 25—26.

¹⁶ Предисловие Иоанна Кантакузина к его «Опровержениям» Прохора Кидониса в ст. Г. М. Прохоров. Публицистика Иоанна Кантакузина 1367—1371 гг. — ВВ, XXI, 1968, стр. 336.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Niceph. Greg., XXIII—XXIV, XXX—XXXIV.

¹⁹ R.-J. Loenertz. Chronologie, p. 213.

²⁰ R. Guillard. Essai, p. 46—49.

²¹ Мистика Николая Кавасилы значительно отличается от учения Григория Паламы. См. Н.-Г. Beck. Kirche und theologische Literatur, S. 781. Особенностью мистического учения Николая Кавасилы является признание церковных таинств. М. Лот-Бородин, напротив, признавала, что учение Николая Кавасилы полностью примыкало к палимизму. — М. Lot-Borodin. Un maître, p. 2. Ср. В. Tatakis. La philosophie byzantine. Paris, 1949, p. 279; O. Clement. Byzance et le christianisme. Paris, 1964, p. 50.

²² R. Guillard. Essai, p. 46—49.

²³ Ibid., p. 49.

²⁴ Ibid., p. 18, 34, 49, 73, 82, 170, 208.

²⁵ Ibid., p. 82.

²⁶ S. Salaville. N. Cabasilas. Explication de la divine liturgie. Paris — Lyon, 1943, p. 18.

²⁷ L. Bréhier. Le monde byzantin. La civilisation byzantine. Paris, 1950, p. 370.

²⁸ A. Garzya. Un opuscul, p. 523.

²⁹ Ibid., p. 521—523.

³⁰ Н.-Г. Beck. Humanismus und Palamismus, S. 80.

³¹ Ibid., S. 74, Anm. 44.

³² М. Lot-Borodin. Un maître, p. 2, n. 1.

³³ «Памфлет» — Литературная энциклопедия. М., 1934, т. 8, стр. 413—418.

³⁴ Слово, 29—42; 53—62; 95—103.

³⁵ Обвинения в невежественности и самомнении являются традиционными в византийской памфлетной литературе. См. памфлет Арефы — М. А. Шангин. Ук. соч., стр. 242—243; памфлет Офрида — П. В. Безобразов. Ук. соч., стр. 42—43; письма Михаила Пселла к Михаилу Кируларию, там же, стр. 85; памфлет Никифора Григоры — Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности, стр. 251—253.

³⁶ Слово, 2—3.

³⁷ Там же, 153—156. В византийских памфлетах часто можно встретить иронию по поводу мнений ученой высмеиваемого лица. — См. Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности, стр. 253.

³⁸ Слово, 80—83.

³⁹ Там же, 43—52.

⁴⁰ Там же, 110—112.

⁴¹ Nicéph. Greg., XI, 559 (6—7); XXX, 267 (2); 326 (27). См. также Nicéphore Grégoras. Correspondance. Paris, 1927, № 146, 152.

⁴² Слово, 21—26.

⁴³ Там же, 135.

⁴⁴ Там же, 107, 115.

⁴⁵ Там же, 117.

⁴⁶ Там же, 66—68.

⁴⁷ Там же, 103—107.

⁴⁸ Там же, 72—76.

⁴⁹ Там же, 92—93.

⁵⁰ Там же, 118—120.

⁵¹ Там же, 161—164.

⁵² Nicéph. Greg., X, 514.

⁵³ Ibid., XXX, 284 (15—20).

⁵⁴ Слово, 170—199. О теории познания Григоры см. R. Guiland. Essai, p. 204—208.

⁵⁵ J. Meyendorff. Introduction, p. 291.

⁵⁶ Обвинения в богохульстве являются стереотипными для византийской литературы. См., например, памфлет Арефы — М. А. Шангин. Ук. соч., стр. 242, 244.

⁵⁷ Слово, 18—19, 53, 61. См. Откровение Иоанна Богослова, XIII, 6.

⁵⁸ Слово, 1, 7, 32.

⁵⁹ Там же, 7—8.

⁶⁰ Там же, 1—4.

⁶¹ Там же, 107, 135 и др.

⁶² Там же, 7—10.

⁶³ Thuc., I, 129.

⁶⁴ Слово, 42—44.

⁶⁵ Илиада, XIX, 404—418.

⁶⁶ Слово, 32. О характере Никифора Григоры см. R. Guiland. Essai, p. 91—106.

⁶⁷ Слово, 207—208.

⁶⁸ Г.-Г. Бек также подмечает, что Николай Кавасила бросает в памфлете упрек Григоре за его мифологические «баранки» и пустые фразы, построенные на подражании античным формам. — Н.-Г. Век. Humanismus und Palamismus, S. 74, Anm. 44.

⁶⁹ Это, однако, не снижает эмоциональности языка самого Николая Кавасилы.

⁷⁰ Образ корабля и моря часто используется в византийской литературе. Например, Михаил Пселл в упомянутом выше письме к патриарху Михаилу Кируларию следующим образом использует образ моря и ладьи: «Если же ты поплывешь на своей ладье по обширному и глубокому морю богословия — скажу тебе загадочно — ты попадешь на подводные камни и пристанешь к берегу, не имеющему пристани». — П. В. Безобразов. Византийский писатель, стр. 86. Об образе корабля в буре у Никифора Хрисоверга см. А. П. Каждан. Никифор Хрисоверг и Николай Месарит. Опыт сравнительной характеристики. — ВВ, XXX, стр. 108. См. также «Разговор богатых и бедных» Алексея Макремволита — ЗРВИ, 1960, № 6, p. 207. 5—10.

⁷¹ Слово, 124—140.

⁷² Там же, 12, 46, 73, 135—137, 140, 160, 199, 204, 207. Изложение от первого лица характерно для большинства византийских памфлетов. Высмеиваемое лицо называется в третьем лице, обращение на «ты» для него не характерно (ср., например, памфлет Арефы, послание Михаила Пелла и др.).